
НАУЧНЫЕ
ОБСУЖДЕНИЯ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В СВЕТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ***

© 2007 г. Б.А. Ерзнкян
(Москва)

**1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕФОРМАТОРОВ:
ОРИЕНТАЦИЯ НА ОДНОРОДНЫХ АГЕНТОВ-ИНДИВИДУАЛИСТОВ**

Реформаторы ельцинского призыва при претворении своей политики в жизнь ориентировались на потенциально наличествующих, по их мнению, в стране однородных агентов-индивидуалистов, число которых в ходе реформ должно было возрасти, что сделало бы реформы необратимыми. Впоследствии А. Чубайс признавал, что не экономические, а именно идеологические соображения ставились во главу угла при выборе политики (включая политику приватизации): “главное обеспечить необратимость реформ”. Таким образом, агенты мыслились и как средство, и как цель реформ – с учетом целевой установки. Сообразно этой логике, миссией или сверхзадачей государственной политики должно было стать формирование класса “эффективных собственников”, а по сути – *однородных агентов-индивидуалистов*, основной, если не единственной, целью которых объявлялась *максимизация собственной полезности*. В соответствии с теоретическими представлениями реформаторов эти агенты наделялись неограниченной рациональностью.

По логике реформаторов, социально-экономический характер такой политики должен быть обусловлен тем, что, во-первых, поставщиком таких агентов-индивидуалистов является социум (ресурсная социальная компонента), а во-вторых – максимизирующие собственную прибыль агенты обеспечивают экономическое процветание (целевая экономическая компонента), что влечет за собой решение социальных проблем (целевая социальная компонента политики).

Таковы были планы. Что же получилось? Вместо армии эффективных собственников мы имеем горстку “эффективных” (в кавычках, поскольку эффективность в нынешних российских условиях – понятие растяжимое) собственников (не менее растяжимое понятие, поскольку этим собственникам приходится действовать в условиях отсутствия четкой спецификации прав собственности со стороны государства, неприятия абсолютным большинством общества результатов приватизации и неуверенности многих, даже законопослушных и добросовестных, собственников в незыблемости своих прав).

Какую же политику следовало противопоставить политике, реализованной реформаторами?

**2. НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА: ПОЛИТИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ
НА НЕОДНОРОДНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ АГЕНТОВ**

В свое время научное сообщество предложило альтернативные пути реформирования социально-экономической системы, но они либо замалчивались, либо подвергались остракизму. Целевая установка была сделана на “единственно правильное и всесильное учение”, но уже не на марксизм, как это было в начале прошлого века, а на его антипод – либерализм (монетаризм), и, что примечательно, методы претворения в жизнь нового учения были вполне большевистскими.

Одной из альтернатив реформаторскому курсу могла стать (и, возможно, еще станет) ориентация не на однородных агентов-индивидуалистов, а на *разнородных взаимодействующих агентов*, нацеленных (в условиях принципиальной неопределенности, присущей процессу перехода от одной общественно-экономической формации к другой) на *минимизацию рисков*. Таким агентам – разнородным и взаимодействующим – скорее присуща *ограниченная рациональность*, чем неограниченная (Aruka, Mimkes, 2006, p. 146). И что важнее, речь не идет о фетишизации прин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты 06-02-00348а, 07-02-00144а).

ципа минимизации рисков: сложность социально-экономических преобразований, да и самой системы – что исходной, что желаемой – не позволяет ограничиваться одним только принципом, как это имеет место в ортодоксальной теории с ее максимизацией полезности. Сама сложная природа объекта диктует необходимость поиска более чем одного принципа для описания и объяснения действий взаимодействующих агентов. Соответственно и социально-экономическая политика государства должна основываться на этих принципах.

В такой постановке проблемы построения политики важная роль отводится институциональной структуре социально-экономической системы. При этом значимыми оказываются не только институты – будь-то формальные и неформальные (при ведущей роли формальных, коль скоро речь идет о государственной политике), – но и изменения в поведении взаимодействующих агентов, образующих, а потому и влияющих на институциональный контекст системы. При ориентации на агентов-индивидуалистов институционального контекста в системе нет: действия совокупности агентов ничем не отличаются от действий агентов, образующих эту совокупность. Иное дело взаимодействующие агенты: в действиях их популяции появляются элементы, не сводимые к действиям индивидуальных агентов. Отсюда и зависимость институционального контекста от действий агентов, усложняющих институциональную структуру социально-экономической системы, что не может не учитываться при построении соответствующей государственной политики.

Возникает вопрос: какова природа взаимосвязи социально-экономической системы и обрамляющей ее институциональной структуры – в статике и динамике? Какова природа институциональной консервации и модернизации?

3. ЭКОНОМИКА И ИНСТИТУТЫ

Институты – это обычаем установленные учреждения, направленные, в силу своей природы, на консервацию сложившихся неформальных (по преимуществу) и формальных (отчасти) норм и правил. Употребляя по отношению к ним определение “статичные”, мы, по сути, имеем в виду нынешнее состояние учреждений, в котором представлена и вся их предыстория. В то же время даже самые устоявшиеся учреждения подвержены изменениям, отсюда – определение “динамичные”, призванное показать изменяющийся характер институтов. Если “статичные” отвечают за сохранение, то динамичные – за обновление институтов, их модернизацию.

Институциональная модернизация социально-экономических отношений в любой стране, в том числе и в России, предполагает совершенствование институциональной архитектуры социально-экономической системы, рекомбинацию конфигурации существующих институтов, инновационные изменения в составе последних за счет выращивания и/или трансплантации новых. О модернизации можно говорить в том смысле, что для ее претворения в жизнь необходимо определить соответствующие целевые ориентиры, что предполагает в свою очередь выбор критерия ее осуществления и, скорее всего, не одного. В качестве желаемых целей могут выступать: ускорение экономического роста, социально-экономическое развитие, обеспечение занятости, выравнивание уровня доходов, повышение качества жизни населения и т.д. (Ерзнкян, 2007а).

Сама по себе выработка ориентиров институциональной модернизации является нетривиальной и к тому же непростой задачей. Сложность заключается в том, что реализация проекта модернизации предполагает наличие не одного, а множества институтов. Модернизация одного института в отрыве от других вряд ли может привести к ожидаемым результатам, а одновременная модернизация всех институтов дело неподъемное, да и не разумное. С большой долей уверенности можно предположить, что модернизации следует подвергнуть только релевантные институты, связанные между собой определенным образом, по аналогии с выбором факторов для проведения множественного регрессионного анализа. К взаимосвязанным, дополняющим друг друга институтам, сцепление которых характеризуется высокой степенью синергии, может быть применено понятие комплементарности. Иными словами, можно утверждать, что *институциональная модернизация* означает не что иное, как *модернизацию комплементарных институтов*. Но как их идентифицировать? Можно ли с достаточной степенью уверенности утверждать, что одни институты комплементарны, а другие нет? Можно ли в принципе распознавать комплементарные институты? Чтобы дать удовлетворительный ответ, попробуем разобраться в основных понятиях, связанных с институциональной модернизацией социально-экономической системы.

Ответы связаны с методологическим фундаментом, на котором будет осуществляться институциональное строительство. Для неоклассической экономической теории таким фундаментом является *методологический индивидуализм*, которому противопоставляются в жесткой или

мягкой форме вариации иного принципа – *методологического коллективизма*. Встречаются и другие точки зрения, авторы которых отказываются от противопоставления индивидуализма коллективизму, которые могут быть объединены в принцип *методологического плюрализма*. Отсюда следует, что допускается возможность совместного существования различных принципов, парадигм. Но в каком отношении они окажутся друг с другом? Ясность здесь нужна для построения непротиворечивой теоретической основы (Ерзнкян, 2007а). Так, например, в экономической социодинамике Гринберга–Рубинштейна применяется принцип, названный авторами принципом комплементарности индивидуальной и социальной полезности. Но идет ли в действительности речь о комплементарности, предстоит еще выяснить. “Теоретическое ядро этой концепции¹ предполагает смену господствующей парадигмы – переход от постулата методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности, допускающему существование групповых интересов наряду с предпочтениями индивидуумов. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Формируемые в различных институциональных средах, эти интересы несводимы друг к другу” (Рубинштейн, 2007, с. 17–18).

Институты обрамляют (и в силу этого выступают синонимичными институциональным понятием) социальные взаимодействия людей. Поскольку такое взаимодействие многогранно и разнообразно, постараемся упростить его и сузить до элементарного понятия, которое назовем *единицей человеческого взаимодействия*. Дать определение такой единицы трудно, поэтому, не указывая на ее свойства, просто введем понятие единицы человеческого взаимодействия и назовем ее *интеракцией* (interaction): *интеракция – единица человеческого взаимодействия*.

Чтобы интеракция (человеческое взаимодействие, не обязательно экономическое) стала *экономической транзакцией* (*экономическим взаимодействием, сделкой*), она должно протекать, во-первых, между взаимодействующими экономическими агентами, а во-вторых, в определенных институциональных рамках, даже если они присутствуют неявно и не осознаются субъектами взаимодействия. Отметим, что существуют различные трактовки этого понятия. Нам близка точка зрения О. Уильямсона на транзакцию: “Транзакция – микроэкономическая единица анализа в экономической теории транзакционных издержек. Транзакция имеет место тогда, когда товар или услуга пересекает границу смежных технологических процессов. Транзакции опосредуются управленческими структурами (рынками, иерархиями и их смешанными формами)” (Уильямсон, 1996, с. 690). В то же время наш подход к транзакции не противоречит трактовке Норта: “...капитал используется как для трансформации, ..., так и для осуществления транзакций – определения, защиты и обеспечения прав собственности на продукцию...” (Норт, 1997, с. 46).

Что же касается институциональных рамок, то они задают способы, механизмы и структуры экономического (в роли агентов могут выступать как люди, так и их объединения: фирмы, организации, клубы, коллективы и т.д.) взаимодействия. Неявное присутствие институциональных рамок можно обозначить понятием *институционального контекста*, или *институционального фона*, на котором разворачивается экономическое (но не технологическое, для этого существует понятие технологического контекста) взаимодействие агентов: *экономическая интеракция – единица экономического взаимодействия, а транзакция – экономическая интеракция в институциональном контексте*.

В общем случае институциональный контекст может включать более одного института. Пусть, к примеру, транзакция осуществляется в рамках двух институтов – I_1 и I_2 . Если ввести два измерения – институциональное (по оси ординат будем откладывать институты) и экономическое (по оси абсцисс – функционирование экономики, экономическая деятельность агентов, экономическое взаимодействие), то охват единицы экономической деятельности соответствующими институциональными рамками можно показать графически. При этом возможны случаи полного либо неполного охвата транзакции институциональными рамками.

В первом случае транзакция охвачена полностью, и она целиком опосредуется рамками обоих институтов, во втором случае охват неполный, и рамок этих институтов оказывается не достаточно для полного обслуживания, удовлетворения транзакции. При этом задействованные институты, институциональные рамки могут пересекаться, а значит, и в принципе поддерживать друг друга (что, впрочем, далеко неочевидно – ведь могут быть ситуации их негативного совместного воздействия на транзакцию).

¹ То есть концепции экономической социодинамики (прим. Б.Е.).

Совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых институциональных рамок, охватывающих одну транзакцию, назовем *институциональной матрицей*. Напомним, что такая же матрица у Д. Норта оказывается представленной в виде “комплекса взаимозависимых правил и неформальных ограничений, совокупность которых определяет экономическую деятельность” (Норт, 1997, с. 129). В принципе возможно двойное толкование институциональной матрицы – расширенное (охват ею всей экономической деятельности, протекающей в той или иной юрисдикции) и суженное (охват матрицей только одной единицы экономической деятельности, а именно транзакции). Мы отдаем предпочтение второму толкованию, приберегая для первого понятие институционального поля: *институциональная матрица – совокупность институтов на одну транзакцию*.

Такое понимание институциональной матрицы отличается от трактовки Д. Норта тем, что у него матрица характеризуется возрастающей отдачей (Норт, 1997, с. 129) и представляет собой не просто сумму институтов, а нечто большее (обусловленное эффектом масштаба, или, если угодно, синергетическим эффектом):

(институциональная матрица 1) = (комплекс институтов) + (возрастающая отдача).

Иначе говоря, речь идет не о простой совокупности совместимых² институтов (очевидно, без совместимости нет и матрицы), а о комплексе, образованном из когерентных³ или комплементарных⁴ институтов. Все зависит от степени возрастания отдачи от функционирования институтов. В то же время Д. Норт говорит не об институтах, обслуживающих одну транзакцию. Отсюда можно получить слабую и более сильную версию институциональной матрицы:

институциональная матрица 2 – это комплекс когерентных институтов,

институциональная матрица 3 – это комплекс комплементарных институтов.

В принципе, продолжив логику усиления возрастающей отдачи, можно получить и более сильные версии институциональной матрицы.

Вернемся к нашему пониманию институциональной матрицы и продолжим развивать новые понятия на его основе. Приведенные выше утверждения нужны для указания способа развития понятия институциональных матриц (различные институциональные атрибуты вместе с различными институциональными конфигурациями обуславливают различие в институциональных матрицах и в целом в системах, приводящих в итоге к различным типам социально-экономических систем).

Понятие институционального поля можно ввести, используя понятие матрицы или обойтись без него:

институциональное поле – совокупность институтов для всех транзакций,

институциональное поле – совокупность институциональных матриц.

Эти понятия синонимичны. К ним добавим транзакционные понятия, характеризующие экономическую деятельность и экономическое взаимодействие:

экономическое пространство – совокупность интеракций.

Объединим теперь понятия институционального поля и экономического пространства:

единое поле-пространство – совокупность транзакций.

Идея объединения институционального поля и экономического пространства на основе транзакционной концепции высказана и раскрыта в (Ерзнкян, 2001, 2002), там же предложено использовать в качестве единицы анализа транзакцию.

Определим теперь институциональную модернизацию как автономное явление и институциональную модернизацию, неразрывную от обновления социально-экономических отношений:

институциональная модернизация 1 – обновление институционального поля,

институциональная модернизация 2 – обновление единого поля-пространства.

² Объекты E и E' совместимы и сочетаемы, если их можно наблюдать совместно в существующих экономиках или обществах, т.е. существует экономика, такая что $E \cap E' \neq \emptyset$ (Boyer, 2005, p. 49).

³ Два института когерентны, если они могут свободно сосуществовать, т.е. если $E \cap E' \neq \emptyset$ является возможным по, например, структурным, теоретическим соображениям (Boyer, 2005, p. 50).

⁴ Два элемента E и E' называются комплементарными, если их конъюнкция R превышает результат действия каждого элемента в отдельности, т.е. $R(E, E') > R(E)$ и $R(E, E') > R(E')$ (Boyer, 2005, p. 48).

Институциональная модернизация включает совокупность институциональных матриц – комплексов сочетаемых тем или иным образом институтов. Особую значимость имеют комплементарные институты. Поскольку модернизация представляет собой процесс, разворачивающийся во времени, то следует уточнить, о какой комплементарности идет речь. Точнее – на какой момент времени институты должны быть комплементарными. В этой связи имеет смысл разграничить *статическую* и *динамическую* комплементарность. “Говоря о связях между институтами в контексте реформ, – пишет В.М. Полтерович, – нужно иметь в виду два аспекта: во-первых, совместимость внедряемых институтов и уже существующих, а во-вторых, зависимость результатов от того, в какой последовательности осуществляются намеченные преобразования” (Полтерович, 2006, с. 11). Далее он добавляет, что ошибочным является рассмотрение лишь статических связей между внедряемыми институтами и игнорирование их взаимовлияния в переходных реформенных процессах. Проводимые реформы, как правило, положительно комплементарны в статике: будучи завершены – они дополняют друг друга (Roland, 2000). С учетом сказанного, имеем:

обновление – переходный процесс между двумя статическими состояниями.

Таким образом, *институциональное обновление* характеризует процесс перехода между исходной и целевой статикой, и главное требование к нему – прийти в результате к желаемой конфигурации комплекса комплементарных институтов. Если же использовать термины модернизации, то *институциональная модернизация* – динамический процесс перехода от одного статического состояния институционального поля (институционально-экономического поля-пространства) к другому – в определенном смысле более прогрессивному.

Подытожим сказанное представлением иерархии основных экономических и институциональных понятий:

интеракция < транзакция < институциональная матрица < институциональное поле <
< институционально-экономическое поле-пространство.

Тем не менее открытым остается вопрос: какова же должна быть политика, направленная на обновление институциональной структуры социально-экономической системы?

4. ПОЛИТИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Такая политика должна быть построена по иерархическому принципу в соответствии с введенными выше институционально-экономическими понятиями. Нижний уровень иерархии образует политика, нацеленная на обеспечение взаимодействия людей – *интеракции*. Агентами могут быть как неорганизованные (в смысле отдельные личности), так и организованные индивиды (в частности, фирмы). Исходя из этого, в поле зрения такой политики должны оказаться межличностные и межфирменные отношения. Механизмы управления межфирменными взаимодействиями могут быть различными (например, формальные контракты, гарантии, доверие), но общие рамки должны обеспечиваться институтами, при этом субъектом политики в отношении создания благоприятных условий для эффективной реализации межфирменных взаимодействий должно выступать государство. В то же время в рамках внутрифирменных институтов регулируются межличностные отношения, эффективность которых зависит от социально-экономической политики, проводимой на корпоративном уровне (предприятие предстает при этом не просто экономическим объектом, а социально-экономической системой).

Второй уровень политики – *транзакции*. Объектом политики должны выступать все единичные транзакции. Государственная политика в их отношении должна обеспечивать возможность свободно осуществлять сделки в рамках легального поля (большая доля нелегальных сделок в России объясняется тем, что цена доступа к закону и функционированию в легальном институциональном поле оказывается выше цены нелегальной альтернативы).

Третий уровень иерархии образуют *институциональные матрицы*. В определенном смысле они являются центральным элементом в приведенной выше иерархии понятий (Ерзнкян, 2007б). Политика в их отношении должна иметь не меньше степеней свободы, чем объект, на который направлена эта самая политика. В этой связи уместно привести слова Ф. Фукуямы, что “организация капиталистического общества имеет куда больше степеней свободы, чем это обычно представляется” и “не следует считать, что ... погоня за эффективностью обязательно будет навязывать ту или иную конкретную форму организации производства” (Фукуяма, 2004. с. 509). Эти высказывания можно отнести к социально-экономической политике, в частности в отноше-

нии приватизации и выбора форм корпоративного устройства предприятий. Степень эффективности различных моделей корпоративного управления зависит от того, на какое институциональное поле ориентированы корпорации – формальное, правовое (где аутсайдеры могут лучше проявить себя в роли собственников) или неформальное, общественное (где эффективность инсайдеров зависит от того, насколько им удастся реализовать потенциал социального капитала).

Четвертый уровень охватывает *институциональное поле* – совокупность всех формальных и неформальных институтов, действующих в конкретном историческом времени и пространстве в той или иной юрисдикции. Провалы институциональных преобразований в России во многом объясняются принципиальной несовместимостью заимствованных, вроде бы из лучших побуждений, формальных институтов с существующими, которых никто не отменял в силу невозможности этого шага, неформальными институтами, их инерционностью.

Отметим, что строить эффективную политику, ориентированную на некую идеалистическую схему, без учета сложившегося состояния экономики невозможно. Это не значит, что та или иная политика должна быть predetermined исключительно предысторией социально-экономических состояний. Речь идет лишь о необходимости учета этой предыстории в том смысле, какой вкладывается в одно из фундаментальных понятий институциональной экономической теории – понятие *зависимости от исторического пути развития*. Главное здесь избежать двух крайностей: не попасть в плен ретроспективы и не спроектировать ее на перспективу, а также не писать будущее с чистого листа так, словно и не было никакой предыстории. При всей, казалось бы, бесспорности сказанного путаница с надлежащим учетом траектории развития не такое уж редкое явление (Ерзнкян, 2005). В качестве примера можно привести приватизацию в Югославии, где к моменту ее начала были традиции рабочего самоуправления, чем и объясняется, по всей видимости, то, что Македония, Словения и Хорватия предпочли выкуп собственности у государства менеджерами и работниками в качестве основного метода приватизации. В этом находит выражение эффект зависимости от прошлого. Этот эффект может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Среди либералов-экономистов широко распространено мнение, что югославский путь самоуправления предприятий – тупиковый.

И, наконец, пятый, высший уровень иерархии охватывает *институционально-экономическое поле-пространство*. Оно в работе (Ерзнкян, 2007а) определено как совокупность трансакций, которая образует в первом приближении трансакционный сектор экономики (Wallis, North, 1986). Государственная политика в отношении последнего должна строиться из следующих соображений. Институциональные изменения приводят к сдвигам в трансакционном секторе, которые, образуя с трансформационным сектором двуединую экономику страны, формируют траекторию ее социально-экономического развития. Конфигурация трансакционного сектора является индикатором институциональных изменений, и в зависимости от тенденций ее видоизменений можно делать выводы о возможных направлениях развития страны. В отношении трансакционного сектора политика должна быть такой, чтобы содействовать не просто его опережающему росту (при увеличении абсолютных размеров ВВП), а качественным преобразованиям его структуры. К сожалению, ситуация с качеством трансакционного сектора в России в целом – плачевная: сравнение долей торговли (как самой крупной трансакционной отрасли в России) и финансов в России и США показывает, что в 2001 г. они составляли в России 29.5 и 2.6%.

Такое соотношение элементов основных трансакционных отраслей свидетельствует о крайней степени деформации структуры российской экономики, возможность преодоления которой “видится в ускоренном развитии финансовой компоненты в трансакционном секторе, что в свою очередь напрямую связано с выбором модели экономического развития. От этого выбора зависит конфигурация финансового посредничества” (Дементьев, Ерзнкян, 2004, с. 11). Речь идет о двух моделях – банковско-ориентированной и эмиссионной (ориентированной на фондовые рынки). Особое внимание, уделяемое посредничеству на рынках кредитных ресурсов и прав контроля или финансовым посредникам, объясняется тем, что качество финансовых услуг имеет критическое значение для формирования новых фирм, индустриальной экспансии и экономического роста. В эмиссионной модели финансовые посредники тяготеют к обслуживанию портфельных инвестиций и рынка корпоративного контроля, а в банковско-ориентированной модели ведущую роль играют коммерческие банки, которые, однако, не ограничиваются только посредническими функциями: они принимают активное участие в выработке и реализации долгосрочных приоритетов инвестиционной политики. Динамика и тенденции качественных сдвигов в трансакционном секторе России недвусмысленно говорят в пользу выбора, по крайней мере, в ближайшей и среднесрочной перспективе, банковско-ориентированной модели развития России – как фун-

даментального фактора вывода ее на траекторию устойчивого социально-экономического развития (Дементьев, 2003).

Таковы вкратце некоторые из существенных характеристик или требований к разработке государственной политики, ориентированной на институциональную модернизацию социально-экономических отношений в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дементьев В.Е.** (2003): Выбор модели экономического развития России и конфигурация посреднического сектора. В сб.: *“Теория и практика институциональных преобразований в российской экономике”*. Вып. 2. М.: ЦЭМИ РАН.
- Дементьев В.Е., Ерзнкян Б.А.** (2004): Трансакционный сектор и экономическое развитие // *Вестник Брянского государственного университета. Экономика и управление*. № 3.
- Ерзнкян Б.А.** (2001): Экономическое пространство и институциональное поле: импликации для стратегического планирования. В сб. докладов: *“Стратегическое планирование и развитие предприятий”* Второго всероссийского симпозиума. Секция 1. М.: ЦЭМИ РАН.
- Ерзнкян Б.А.** (2002): Трансакция как двуликий (институционально-экономический) Янус. В сб. докладов: *“Системное моделирование социально-экономических процессов”* XXV юбилейной международной научной школы-семинара имени академика С. Шаталина. Королев, Московская область, 24–28 мая 2002 г. Часть 3. М.: ЦЭМИ РАН.
- Ерзнкян Б.А.** (2005): Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза // *Вопр. экономики*. № 7.
- Ерзнкян Б.А.** (2007а): Институциональная модернизация социально-экономических отношений: формализация основных понятий. В сб.: *“Теория и практика институциональных преобразований в российской экономике”*. Вып. 8. М.: ЦЭМИ РАН.
- Ерзнкян Б.А.** (2007б): Является ли институциональная матрица институциональной матрицей? // *Экономическая теория современной России*. № 2 (в печати).
- Норт Д.** (1997): Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”.
- Полтерович В.М.** (2006): Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // *Экономика и мат. методы*. Т. 42. № 1.
- Рубинштейн А.Я.** (2007): К вопросу расширения “Чистой теории общественных расходов” (научный доклад). М.: Ин-т экономики РАН.
- Уильямсон О.И.** (1996): Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, “отношенческая” контрактация. СПб.: Лениздат, CEV Press.
- Фукуяма Ф.** (2004): Доверие социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, Ермак.
- Aruka Y., Mimkes J.** (2006): An Evolutionary Theory of Economic Interaction – Introduction to Socio- and Econo-Physics // *Evolutionary and Institutional Econ. Rev.* № 2 (2).
- Boyer R.** (2005): Coherence, Diversity, and the Evolution of Capitalism – The Institutional Complementarity Hypothesis // *Evolutionary and Institutional Econ. Rev.* № 2 (1).
- Roland G.** (2000): Transition and Economics: Politics, Markets and Firms. Cambridge: The MIT Press.
- Wallis J.J., North D.C.** (1986): Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970. In: *“Long-term factors in American economic growth”*. Chicago: The University of Chicago Press.